

Егор ЗАРУБОВ

Я УЖЕ НЕ БОЮСЬ

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
З-35

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: Юлия Межова

Зарубов, Егор

З-35 Я уже не боюсь / Егор Зарубов. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 252, [1] с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-099370-3

17-летний школьник Миша Карасин занят обычными для большинства его сверстников вещами — спортом, девушками, дискотеками, прогулками и дворовыми посиделками. Ближится конец учебного года, и будущее кажется безоблачным, а беззаботная жизнь — бесконечной, как грядущие каникулы.

Радость от наступающего лета сменяется шоком, когда отец Миши внезапно умирает. Справиться с болью помогает неожиданно обретенная любовь, и Мише кажется, что жизнь все еще может быть прежней. Однако новая трагедия лишает его любимой девушки, и эта сокрушительная двойная потеря грозит привести к непоправимым последствиям. За растянувшееся в целую эпоху лето Мише, бросающемуся из одной опасной крайности в другую и отчаянно пытающемуся устоять на ногах в навсегда пережившемся мире, предстоит открыть в себе много неожиданных черт, подойти к самому краю и, наконец, обрести себя заново, получив надежду на будущее

Подписано в печать 15.09.16.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Егор Зарубов, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть 1. Летнее время

1

Когда мне было семнадцать, я убил человека. Но до этого было долгое, долгое лето, и произошло еще очень много всего. Слишком много. Честно говоря, многовато для одного. Поэтому я и решил этим поделиться.

И еще: я буду использовать настоящее время, если вы не против. А если против, то мне все равно. Потому что, когда тебе семнадцать, время сжато в сверхплотную точку. Сдавлено, стиснуто, скручено в звенящее от напряжения «здесь и сейчас». Настоящее время. Да, это то, что нужно.

Ну все, погнажи.

— Мясо надо жрать настоящее, без химии всякой, — мычит с набитым ртом Крот, вгрызаясь в бутерброд и осыпая мое колено новой порцией крошек. Прожевав кусок, он продолжает: — Они в корм добавляют какую-то фигню, которая у животных снижает агрессию. А у дикой зверюги, которая на природе пасется, в мясе полно этой вот агрессивности...

Какой-то там ген, или фермент, или еще какая-то хрень. Без нее мужику жить нельзя. Вот так-то...

Я смотрю в грязное окно ползущего в пробке «икаруса». Когда же мы наконец приедем и можно будет перестать слушать этот бред?

— А тебе, Карась, уж точно надо такое мясо хавать... Ты ж борец, тебе силу надо! — не умолкает Крот, поглощая остатки бутерброда. Майонез пачкает пробившиеся в прошлой четверти молочные усы, одна капля попадает на стекло толстых очков. — Точно тебе говорю, уж я-то знаю...

Покончив с бутербродом, Крот поворачивается, кладет подбородок на скрипнувшую спинку сиденья и пялится на занявших галёрку девчонок.

— Ты как думаешь, кто круче, Олька Бугас или Капитанская Дочка? Я бы их обеих потискал... — тихо говорит он, заговорщически подмигивая огромным глазом за стеклом линзы.

Я качаю головой: не хочется говорить Кроту, насколько «реальны» его мечты. Он наверняка и сам знает.

Не думаю я и об Оле с Капитанской Дочкой. Оля напоминает фарфоровую статуэтку — холодная и надменная, она, кажется, может разбиться от легчайшего прикосновения. А Капитанская Дочка (на самом деле Вика, у нее папа капитан милиции) похожа на оглушенную рыбу: вялая, унылая и безжизненная, с вечно выпученными глазами. Не думаю о них, стараюсь сосредоточиться на предстоящих соревнованиях. Но это не удается.

Все мысли занимает Надя. Она сидит впереди и справа — или, скорее, лежит на двух свободных

сиденьях; черные волосы с розовой прядью свисают в проход, чуть-чуть не доставая до грязного пола.

Крот следит за моим взглядом и присвистывает:

— Э-эх, Михасик-Михасик... Арсеньева тебе не по зубам. Так что забудь.

Похлопав меня по плечу жирными пальцами, он вновь нацеливает очки на одноклассниц с галерки, оставив хоть ненадолго меня в покое. Автобус наконец протискивается между отбойником и разбитой всмятку после стычки с трамваем иномаркой и с натужным ревом начинает набирать скорость. Подскочив на ухабе, он будит задремавшую Надю, которая потягивается, вытянув руки к тихо шелестящим черным воздуховодам на потолке, смотрит назад, в сторону галерки, скользит полным презрения взглядом по Оле с Капитанской Дочкой и бегло сканирует остальных.

Взгляд больших янтарных глаз цепляется за меня... и она мельком улыбается. Замечаю серебристый блеск брекетов; обычно девчонки с ними кажутся страшилами, но в Надином рту они похожи на какое-то украшение.

Улыбка пропадает. Надя натягивает свои огромные наушники и прячется за пыльным изодранным подголовником.

Показалось? Наверняка показалось. Не могло не показаться. Она не могла улыбнуться мне. Даже просто заметить такую микрофлору, как я, ниже ее достоинства, так что я всего лишь придумал себе эту улыбку — хищную и одновременно манящую, как у красоток в мужских журналах, которые папа иногда покупает в «Союзпечати» на углу.

Автобус причаливает к тротуару, втиснувшись в ряд припаркованных машин. Дверь открывается, и стайка вызвавшихся сопровождать меня «болельщиков» — а по сути, обычных легализованных прогульщиков — высыпается на улицу. Выходя из автобуса, я вновь замечаю взгляд Нади и чувствую, как по коже бежит странная дрожь. Я не знаю, радует меня этот взгляд или пугает. В нем есть что-то такое... первобытное, что ли. Как будто я кусок мяса, а она — плотоядный зверь. В памяти тревожным эхом прокручиваются бредни Крота про мясо.

Я прохожу совсем рядом с ней, чувствуя запах земляничного «Орбита», а сквозь него — сигарет «Магна», и слышу песню из фильма «От заката до рассвета», доносящуюся из болтающихся на Надиной шее наушников. Впереди маячит, сверкая лысиной, физрук и тренер по борьбе Владислав Юрьевич. Взмахом руки он манит всех к облупившемуся зданию спорткомплекса Суворовского училища, где проходят республиканские соревнования по самбо и дзюдо. Забросив за плечо сумку с самбовкой и шортами, я бреду следом за учителем, глядя на белую жвачку, которую тот прилепил за набухшим сломанным ухом, и думая, какая же мерзкая это привычка. «Как ее потом можно снова жевать?» — думаю я, и ехидный внутренний голос тут же отвечает вопросом на вопрос: «А от Надиного „Орбита“ ты бы отказался? Особенно с ее языком в придачу?»

Я трясую головой, стараясь вытряхнуть из нее все подобные мысли и думать о борьбе.

Чем ближе входная дверь, тем сильнее вздымается вал мандража, готовый поглотить меня без остатка.

Странно. Я уже не первый год хожу в секцию борьбы, участвовал во множестве всяких спартакиад и соревнований, но неизменно чувствую этот поганый страх. Сейчас его только подпитывает наше опоздание: в зале уже наверняка полно народу, а эти чертовы взгляды, колкие и цепкие, как репейник, они хуже всего...

Я люблю историю. Хорошие оценки. Выигранные олимпиады. Особенно люблю даты. Повторяю их иногда. Это меня успокаивает.

476 год нашей эры — падение Римской империи.

1492-й — открытие Америки Колумбом.

1861-й — отмена крепостного права.

Даты как бы подсказывают, что все уже было. А значит, ничего особенно страшного уже не случится.

— Давай, Карасин, бегом в раздевалку — и в зал, — бурчит Владислав Юрьевич, болтая висящим на пальце свистком. Интересно, зачем он его сюда-то притащил?

Я юркаю в дверь мужской раздевалки, а физрук и «группа поддержки» движутся дальше, к гудящему впереди пчелиным ульем залу.

Раздевалка пуста, лампы не горят, в колоннах падающего через мутные стекла света клубятся хлопья пыли. Я подхожу к одному из открытых шкафчиков, сажусь на скамейку, начинаю разуваться. Потом раздеваюсь, кладу вещи на полку, ставлю кроссовки вниз, достаю из сумки красные шорты и самбовку. Движения размеренны, неторопливы: уже здесь, в раздевалке, следует готовить себя к предстоящему бою, с помощью примитивного самогипноза монотонных движений обретая спокойствие и хладнокро...

— Хочешь меня?

Я резко поворачиваюсь, врезаюсь коленом в стальную дверцу шкафчика, крикаю и застываю на одной ноге, привалившись спиной к холодному металлу.

Надя.

Совсем близко.

Увидев меня, почти голого, оцепеневшего, стоящего на одной ноге, как фламинго в синих трусах, она смеется.

— Ч...что? — только и могу прошептать я, уже не страшась предстоящего состязания и даже мечтая поскорее оказаться на татами. В мигом пересохшее горло будто натолкали битого стекла, слова с трудом прорываются наружу и безвольно осыпаются с губ, как песок.

Надя подходит ближе. Ее теплое дыхание скользит по моей щеке: снова запахи земляничной жвачки и сигарет. Янтарные глаза смотрят на меня с насмешкой и шепоткой жалости.

— Я говорю, хочешь меня, Карасин? — отчетливо повторяет она.

Хочется немедленно провалиться под землю. Лучше даже насквозь, чтоб выскочить где-то в Австралии. От смущения краснеет, кажется, не только лицо, но и все тело.

На ее губах расцветает и с едва слышным хлопком лопаются пузырь жвачки. Мы стоим молча, и секунды превращаются в вечность, а я сам — в бесконечного пространственно-временного червя, о которых нам с упоением рассказывал старый физик Григорий Израилевич.

Наконец Надя властно притягивает меня к себе и целует: брекетки клацают о мои зубы. Я хлопаю глазами, как утопающий, и не знаю, что делать, когда Надя проталкивает языком жвачку мне в рот и отстраняется, оставив вместе с ягодным вкусом «Орбита» и стальным послевкусием брекетов едва ощутимый привкус себя.

— Думаю, это значит «да», — воркует она.

— Арсеньева... Надя... — бормочу я, чувствуя, как разливающаяся по телу волна жара заставляет кружиться голову и бешено колотиться сердце.

Секундой позже Надя касается языком моей щеки, а потом легонько отталкивается руками от моей груди, как пловчиха от бортика бассейна, и возвращается к двери.

— Порви там всех, и я подумаю над твоими перспективами, — говорит она, ослепительно улыбнувшись, и хлопает казенной синей дверью, оставляя меня наедине с тарахтящим в груди сердцем и нарастающей убежденностью, что все это мне просто привиделось.

Если бы не жевательная резинка во рту, я бы в этом не сомневался.

— Михась, ты чего такой красный-то? — спрашивает Крот, подозрительно щуря подслеповатые глазки. — Как кипятком обварили... Рожу от самбовки не отличишь.

Я не отвечаю. Скользнув торопливо взглядом по сидящим на длинной скамейке одноклассникам — и заметив черные, с розовой прядью волосы, — я

сажусь с краю и смотрю на сплетенные клубки тел, танцующих и катающихся на коврах.

На трех татами одновременно шесть человек. У каждого ковра стоит стол, за которым сидит судья. Скамейки у стен спортзала усеивают болельщики, родители и ожидающие своего выхода борцы.

Больше всего я ненавижу именно ожидание. Если бы можно было выйти из раздевалки напрямиком на ковер, в бой, как из душевой в бассейн, было бы куда легче. Но эта задержка, эта нервозность, эта попытка высмотреть в сидящих вокруг будущего соперника... И обычно-то мучительно, но сейчас, после этого... этого случая с Надей Арсеньевой, сиденье на скамье просто невыносимо, будто пришлось взгромоздиться на горящую конфорку.

Зал, и так сотрясаемый воплями, отрывистыми выкриками судей и подбадривающими кричалками, ревет: здоровенный армянин, с которым мне уже доводилось встречаться в прошлом году, с хлопком распластал на мате парнишку легче его самого килограммов на десять. И куда только смотрел судья, когда их ставил вместе? Паренек трепыхается, как выброшенная на берег рыба, пытаясь выбраться из-под армянина, но тот не выпускает его, пока судья не засчитывает четыре балла за двадцатисекундное удержание.

В прошлом году на месте паренька был я. Мрачная мысль о возможности вновь встретиться с этим громилей на татами угнетает еще больше, чем ожидание.

«Порви там всех, и я подумаю над твоими перспективами», — проносится в голове.

— Карасин Михаил! — кричит судья на правом татами, и я вздрагиваю, как ужаленный.

Во рту до сих пор болтается потерявшая вкус жвачка, и я незаметно леплю ее под лавку. Вскочив, затягиваю потуже красный пояс и направляюсь к коври, стараясь не смотреть на сидящих вдоль стены.

Особенно на Арсеньеву.

На ковер выходит парень примерно одного со мной сложения, в белой самбовке и синих шортах. Взгляд немного затравленный, волосы взъерошенны, на веснушчатом лице испарина.

Значит, выходит уже не первый раз.

Судья бьет в звякнувший жестяной гонг, и мы с соперником, поклонившись друг другу, осторожно сближаемся. Я толком даже не успеваю сообразить, с кем имею дело, — противник вцепляется в плечевые захваты моей самбовки и неуклюже пытается поставить заднюю подножку, от чего сам опасно кренится. Делаю резкий толчок и обрушиваю соперника на спину, заработав первые четыре балла.

Спустя минуту с небольшим я покидаю татами, получив двенадцать баллов и сделав оппонента всухую. В этом нет ничего необычного: возможно, в других единоборствах и случаются красочные и затыжные бои, подобные схваткам в фильмах с Ван Даммом или Брюсом Ли, но в самбо/дзюдо, как правило, превосходство одного из противников проявляется сразу, и начинается, как говорит Владислав Юрьевич, «избиение младенца». Мне не раз доводилось как побеждать, так и с треском проигрывать за считанные минуты, поэтому обычно такие легкие победы не приносят особой радости. Но на этот раз я доволен.

В голове кружится назойливым жужжащим насекомым мысль о моих, как сказала Надя, «перспективах».

Проходя мимо вяло изображающих ликование «болельщиков» из своего класса — только Крот оголтело вопит: «Михасик молото-о-о-ок!» — я все же задерживаю взгляд на Наде и вижу на дне ее глаз озорные бесовские искорки. Она отвечает мне улыбкой, проведя кончиком языка по губам цвета красного вина, накрашенным, как сказала бы моя мама, «вульгарно». На этот раз и я выдавливаю бледную тень улыбки, радуясь, что на раскрасневшемся после боя лице не виден смущенный румянец. Усевшись на свое место, жду следующего крика судьи.

Обычно угнетающий гул соревнований сейчас где-то далеко, будто звук двигателей самолета, скрытого высоко в облаках. Надя хозяйничает в моей голове, прогнав оттуда прочие мысли. Вспоминаются слова Крота: «не по зубам». Пожалуй, того же мнения почти все вокруг: даже просто тусоваться с Арсеньевой мечтают многие, но удача выпадает мало кому.

— Карасин Михаил!

Крик судьи вырывает из размышлений, и я вновь плетусь на ярко-желтый, блестящий в свете ламп ковер. Хотя уже не совсем плетусь: появилось чуть больше уверенности. Бой вновь получается быстрым и победным, хотя на этот раз противник сумел-таки сделать двухбалльный бросок, и разгрома всухую не вышло.

Возвращаюсь, тяжело дыша и слушая грохот сердцебиения в ушах, и ожидаю третьего, финального выхода. Если одолею соперника, то получу первое

место в своей категории. Если нет — будет еще бой, где смогу претендовать на третье. Но этот вариант я даже не рассматриваю — ведь тогда на «перспективах» будет поставлен крест.

Наконец звучит третий призыв. Поднимаюсь и бодро шагаю к коврику, надеясь, что удача не подведет и на этот раз. Но, когда судья следом кричит имя соперника, ноги на мгновение страшно тяжелеют, став бетонными столбами, и резко хочется в туалет.

— Мирзоян Артур!

На другой стороне зала огромный силуэт отделяется от частокола сидящих на скамье борцов и движется к татами. Заставляю себя стряхнуть оцепенение — ведь все (и Надя) смотрят — и волочусь параллельным курсом, как приговоренный на эшафот. В памяти всплывают ощущения, с которыми тебя впечатывают в ковер. «Перспективы» становятся весьма туманными...

Впрочем, стоит ступить на холодный кождаменитель татами, как страх покидает меня вместе с прочими эмоциями, уступив место холодной расчетливости. Тело, разогретое предыдущими схватками, готово к сражению.

Армянин скользит по мне безразличным, полным скуки взглядом, как по очередному таракану, которого приходится давить. Вряд ли он запомнил нашу предыдущую встречу.

Звук гонга. Поклон. Бой начался.

Вспоминаю, как в прошлый раз меня сгубила излишняя напористость, и начинаю кружить по коврику, постепенно сближаясь с Мирзояном и выставив вперед руки, как клешни краба. На смуглом лице сопер-

ника появляется едва заметная ухмылка: он знает, что рано или поздно мы будем бороться, ведь за уклонение оппонента от боя активному борцу дают один балл, что порой решает исход поединка.

Мы кружимся вокруг центра ковра, постепенно сближаясь, как космические корабли перед стыковкой, пока, наконец, не цепляемся за плечи друг друга верхним захватом. Думаю рвануть вниз — там преимущество рослого армянина будет не таким ощутимым, — но, прежде чем успеваю осуществить задуманное, меня вдруг отрывают от земли и швыряют на ковер — легко, как тряпичную куклу.

— Мирзоян, четыре балла! — кричит судья.

Зал бешено ревет. Тень армянина нависает надо мной. Я почти ничего не слышу: в ушах от удара стоит гул, глаза на миг слепнут от яркого света ламп.

Глубоко вдохнув, поднимаюсь и, подпрыгнув на месте, подавляю желание кинуть взгляд на Надю.

Начинаю сближаться с Мирзояном. На этот раз бросаюсь вниз, обхватываю громилу за поясицу, подсекаю ногой и чувствую, как армянский колосс валится под собственной тяжестью...

Мирзоян падает, перекатывается и подминает меня под себя. Извиваюсь ужом, но все бесполезно: меня надежно пригвоздили к ковра. Начинается отсчет удержания: до двадцати секунд — два балла, больше — четыре. В нос ударяет запах пота от самбовки армянина, его полные презрения глаза совсем близко.

Наверное, у Нади сейчас такой же взгляд. Если она вообще смотрит на этот позор.

Отчего-то эта мысль вместо отчаяния вызывает ярость. А память о ее прикосновениях, ее дыхании

на моей коже, ее вкусе заставляет мышцы налиться сталью.

Взревев, я начинаю сбрасывать с себя удивленно-го Мирзояна и вырываюсь на свободу.

— Мирзоян, два балла! — кричит судья, в голосе которого тоже мелькает нотка удивления.

Но я собираюсь продолжить удивлять их всех. Чувствую прилив сил, вновь бросаюсь на противника...

И снова оказываюсь на полу.

— Четыре балла Мирзояну!

«Блин... Еще два балла, и мне крышка», — думаю я, проклиная себя за неосторожность. Поднявшись, смотрю на Мирзояна; внутри черной жижей клокочет ненависть.

Я не позволю забрать у меня «перспективы».

Не этому детине с вечной насмешливой улыбкой на лице.

Не сегодня.

Испуская тихий рык, двигаюсь вперед. Вижу в глазах Мирзояна какое-то странное выражение — возможно, страх от того, что он увидел в моих. Чувствую, что белки моих глаз покраснели, налившись кровью.

Хватаю армянина и пытаюсь свалить его. Тот стоит камнем, но и его попытки контратаковать мне удастся парировать. Мы оба глухо ревим, из моего рта на татами капает слюна.

Вдруг рассудок ледяным лезвием рассекает мысль об ударе. Вспоминаю, как один чувак из сто тридцать первой школы на спартакиаде в прошлом году рассказывал, что их этому учил тренер: прикрывшись самбовкой — так, чтобы не видел судья, можно пару